

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕКРУТСКИХ НАБОРОВ 1812-1813 гг. В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

14 августа 1812 г. с нарочным курьером в Курском губернском правлении из Правительствующего Сената был получен Указ № 19961 от 6 августа с приложением Высочайшего Манифеста «О сборе с удельных и казенных крестьян повсеместно, а с помещичьих со всех тех губерний, где не назначено ополчения со ста душ 6-й ревизии по два рекрута». В предписании губернского правления от 15 августа, отпечатанном типографским способом, содержались указания городничим в городах опубликовать, а нижним земским судам немедленно разослать по всем селениям с целью обнародования экземпляры Указа: помещикам, управляющим имениями, приказчикам и старостам, волостным головам и прочим сельским начальникам. После обнародования (под расписку) Указа о наборе рекрутов, каждый помещик или его поверенный должны были незамедлительно явиться в окружной город к дворянскому предводителю для составления раскладочного списка. От уездных предводителей дворянства требовалось взять под личный контроль составление списков лиц, подлежащих набору, завершив указанную работу к 28 августа 1812 г.

16 августа Курский губернатор А.И. Нелидов направил письменное уведомление в Правительствующий Сенат о получении одного экземпляра Манифеста¹. В тот же день городским и земским исправникам во все уезды губернии был направлен ордер, в котором содержались дополнительные требования по организации рекрутского набора. Губернатор требовал учесть ошибки, допущенный в период организации предыдущего набора, имевшего следствием значительное количество жалоб населения на неправильное решение вопроса о зачислении в рекруты.

С целью недопущения конфликтных ситуаций от местного начальства требовалось, чтобы «подлежащее количество рекрут... препровождаемо было при отдатчиках каждого селения самим волостным головой той волости и выборными тех селений, дабы в случае происшедших жалоб на неправильный приговор в рекруты удобнее без переписки через них решить можно было»². Сопровождающим

полагалось иметь при себе копии ревизских сказок и очередные списки, по которым можно было проверить правильность отбора в рекруты. Ответственность за невыполнение наряда по набору возлагалась непосредственно на получателей предписания.

29 августа 1812 г. из Департамента исполнения Министерства полиции Курскому гражданскому губернатору было направлено циркулярное предписание главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова о доставлении ведомостей по объявленному рекрутскому набору. Губернатор А.И. Нелидов запросил требуемую информацию в Курском рекрутском присутствии, откуда 1 октября была направлена запрашиваемая ведомость. С помещичьих крестьян и малороссиян предполагалось набрать 5355 рекрутов; с людей казенного ведомства, т.е. однодворцев, их крестьян и малороссиян, удельных и экономических крестьян, ямщиков и цыган 6857 чел., с мещан 275 чел., всего же куряне должны были выставить 12487 рекрутов³.

12 сентября 1812 г. из Инспекторского департамента Военного министерства было направлено предписание главы этого ведомства с приложением расписания, согласно которому

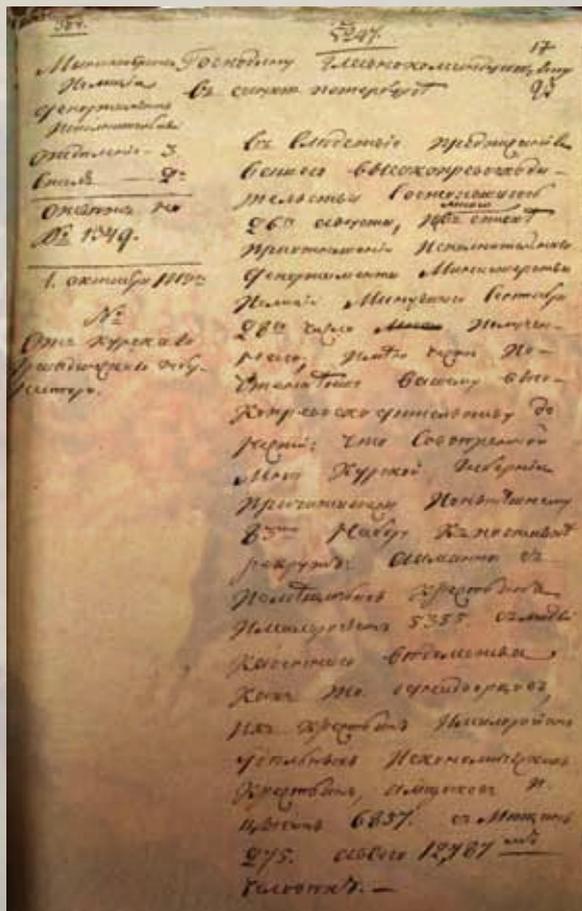
из Курской губернии 6000 рекрутов требовалось отправить в Рязань, 4042 чел. – во Владимир и еще 3018 новобранцев – в Тулу. Курян предполагалось использовать для формирования и пополнения пехотных полков, учебных команд и внутренних батальонов⁴. Но уже спустя месяц, из канцелярии Военного министерства поступило новое указание: собранных в Курской губернии рекрутов (по правительственному наряду – 13060 чел.) отправить в город Арзамас Нижегородской губернии.

Как следует из рапорта командира Курского внутреннего гарнизонного батальона подполковника Г.А. Мандрикина, к 11 октября 1812 г. в Курске было собрано 5650 рекрутов. На 16 октября была готова к отправке в Арзамас первая рекрутская партия в количестве 320 человек. Всего предполагалось сформировать около 40 партий, для сопровождения которых необходимо было сформировать конвойные команды, назначить старших офицеров. Личного состава внутреннего батальона для решения этой задачи не хватало, поэтому для конвоирования рекрутских команд привлекались местные обыватели⁵.

В связи с возникшими затруднениями в реализации намеченных мероприятий и с целью скорейшего завершения объявленного рекрутского набора, Император Александр I дал указание управляющему Военным Министерством генерал-лейтенанту князю А.И. Горчакову об отклонении от общих правил его организации. Во-первых, предельный возраст мобилизуемых увеличивался до 40 лет. Во-вторых, минимальный рост сокращался до двух аршин и двух вершков. В-третьих, набору подлежали лица, имеющие «такого рода телесные недостатки, кои не могут служить препятствием маршировать, носить амуницию и владеть оружием». Военному ведомству повелевалось составить для рекрутских присутствий и воинских приемщиков подробное наставление, в котором «особенно объяснить им о допускаемых в рекрутах недостатках, разослать оное повсеместно».

В фонде Курского губернского правления сохранилось «Наставление рекрутским присутствиям и командирам губернских гарнизонных батальонов на прием рекрут, определенных Высочайшим Манифестом 4 августа 1812 года». Как отмечается в документе, «...по уважению частовременных наборов и

других многих повинностей, необходимостью военных обстоятельств налагаемых, и усердно отправляемых всеми обществами и разными состояниями, признано нужным изыскать все средства к важному облегчению настоящего набора», вследствие чего вводились исключительные правила, допускавшие к приему в рекруты людей, имеющих физические недостатки, не являющиеся препятствием для движения строевым маршем, ношения снаряжения, владения оружием⁶.

Наставлением предписывалось не браковать: редковолосых; разноглазых и косых, если их зрение позволяет прицеливаться; имеющих бельмо на левом глазу, при условии, что правый глаз остается здоровым; заик и косноязычных, способных сколько-нибудь объясняться; не имеющих до 6-8 боковых зубов, если целы передние, необходимые для «скусывания» патронов; с незначительными наростами на черепе, не препятствующими носить кивер или каску; с недостатком одного пальца на ноге, если только «представленный в рекруты не затрудняется в свободной и скорой ходьбе»; имеющих на левой руке «один какой-либо сведенный палец, не препятствующий заряжать и действовать ружьем»; «кастратов,

т.е. не имевших двух яиц, или детородного уда, но только совершенно здоровых».

По всем другим заболеваниям и патологиям, указанным в Наставлении 1811 года, прием рекрутов запрещался. Но ряд болезней («расположение к чахотке, к каменной болезни, удушью, мышечной опухоли, расширению жил, проказы, темная вода, близорукость, направление ресниц в глаз, заячий глаз, истечение гноя из уха, тупой слух, застарелые завалы и застарелый почечуй»), чиновниками Военного министерства рассматривались как притворство и стремление уклониться от службы. В связи с чем, командирам губернских гарнизонных батальонов рекомендовалось обращать строгое внимание, «дабы под предлогом сих болезней здоровые и вовсе оных не имеющие, не были устраняемы от приема к напрасному утеснению отдатчиков; а для лучшего в том удостоверения поручать их осмотру и исследованию лекарей на лицо находящихся».

Решение о приеме рекрута должно было основываться на большинстве голосов Рекрутского присутствия; но в случае сомнения о его неспособности, батальонному командиру предоставлялось право «в собственное свое оправдание представлять письменно голос свой присутствию с подробном объяснении замечаемой им неспособности, для записи в журнал, но не иначе как во время того же заседания, а не на другой день».

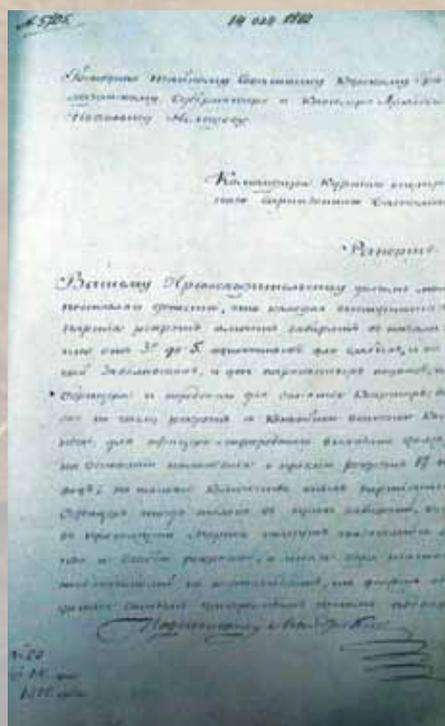
Если Рекрутское присутствие не признавало необходимым учесть мнение батальонного командира в отношении бракуемого им рекрута, то письменный протест офицера возвращался ему в тот же день с указанием причины отказа. Батальонный командир, получив обратно свой голос, имел право обратиться в Инспекторский Департамент.

О рекруте, который вопреки возражению принимался на службу решением большинства членов Рекрутского присутствия, батальонный командир в списках и выдаваемых партионным офицерам документах отмечал, что рекрут «был бракован такого-то месяца и числа, но Рекрутское Присутствие голоса его не приняло, о чем рапортовано от него Инспекторскому Департаменту». Партионный офицер к «выбраковке» рекрутов не допускался; но в случае обнаружения в партии отдаваемой ему для отвода в рекрутское депо кого-либо

неспособным, должен был сообщить об этом батальонному командиру для особой отметки в списке.

Каждый рекрут должен был иметь полное обмундирование, в комплект которого входили: «кафтан солдатского покроя с обтяжными пуговицами и стоячим воротником; панталоны суконные на холщевой подкладке; суконный галстук с мантикой; суконный ранец для поклажи рекрутского багажа; фуражка; одна пара новых сапог твердой кожи, с подвертками летними и зимними; одна пара рукавиц; две рубахи и двое портков; шинель такого же сукна, как и кафтан. Что принадлежит до цвета сукну, то он может быть серой, белой, сырой, а в случае недостатка даже и черный».

Контроль за качеством обмундирования возлагался на членов Рекрутского присутствия. Батальонный командир мог письменно опротестовать решение о пригодности обмундирования, если обнаруживались недостатки, которые могли причинить неудобства новобранцу. Если к этому мнению Рекрутское присутствие не прислушивалось, батальонный командир направлял рапорт в Инспекторский Департамент и делал особые отметки в документах отправляемой рекрутской партии. Батальонным командирам запрещалось браковать одежду из-за низкого качества швов или других маловажных погрешностей, которые могли быть в короткие сроки исправлены на месте.

Ответственность за своевременное изготовление форменной одежды возлагалась на губернаторов. При недостатке портных в гарнизонных батальонах, постановлением Правительствующего Сената разрешалось нанимать портных, устанавливая цену за шитье в Рекрутском присутствии. Обеспечением рекрутской одеждой могли заниматься и «отдатчики», если они сами на то будут согласны. Батальонным командирам строжайше запрещалось продавать рекрутскую одежду, «или входить в торг оною, под какими бы то ни было предлогами».

Батальонные командиры обязаны были принимать все меры для оперативного отправления рекрутских партий к местам назначения. Как только формировались команды численностью от 300 до 500 человек, для такой партии снаряжался конвой и назначался партионный офицер, в Казенную Палату представлялся рапорт о назначении ему кормовых и прогонных денег. На партию, состоящую из 300 рекрут, определялся в конвой один партионный офицер, два унтер-офицера и 20 рядовых. Если в гарнизонном батальоне не хватало офицеров и нижних чинов, по Высочайшему соизволению разрешалось на должность партионных офицеров назначать чиновников гражданского ведомства, а вместо рядовых «проводить рекрут обывателям от селения до селения или от одного уезда до другого при личном надзоре земских или дворянских чиновников». В последнем случае батальонные командиры с нарядом на сопровождающих должны были заблаговременно обращаться к губернаторам.

Батальонные командиры должны были сдавать рекрутов партионным офицерам с формулярными списками, в порядке, предписанном Положением о рекрутских

депо, и о каждой выступившей партии рапортовать в Инспекторский Департамент, а также уведомлять местных начальников, в распоряжение которых отправляемые рекруты назначались, с указанием времени ее выступления, числа рекрутов, составляющих партию, имени партионного офицера и числа конвойной команды, при нем отправленной.

Значительных материальных затрат требовало обеспечение новобранцев в период сбора и в пути следования к месту службы. На продовольственное обслуживание защитников Отечества, их расквартирование и другие потребности выделялись казенные средства. Так, в журналах заседаний казенной палаты за май – август 1812 г. содержится информация об указаниях уездным казначеям в связи с объявленным рекрутским набором, «...чтобы они непременно через три дня по получении указов доставили к уездным дворянским предводителям самовернейшие ведомости о числе помещичьих душ по селениям ведомства, каждого в оклад по сей 6-й ревизии состоящих»⁷.

В журналах и определениях за январь – апрель 1813 г. имеется информация о принятии мер «для лучшего сбережения рекрут... при проводе их с мест сбора до квартир резервной армии». Согласно Указу императора от 10 февраля 1813 г. рекрутам определялась три раза в неделю винная порция (по одной чарке), а ответственность за непременное употребление рекрутами винной порции возлагалась на офицеров, сопровождавших их. Кроме того, Указом предусматривалось, чтобы в рацион питания рекрутов обязательно входили мясо или рыба. Средства на эти цели выплачивались Курской казенной палатой на основании табеля, списков и росписи маршрутов движения рекрутских партий⁸.

Примечания:

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 33. Оп. 2. Д. 567. Л. 3.
2. Там же. Л. 5-об.
3. Там же. Л. 16.
4. Там же. Л. 29-31.
5. Там же. Л. 37-38.
6. Там же. Л. 21-23.
7. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 494. Л. 958-959.
8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 496. Л. 197-197-об.